

Как следует уже из названия, книга немецкой исследовательницы Йоханны Маттиссен (основанная на ее диссертации, защищенной в 2001 г. в Кёльне) посвящена, с одной стороны, исследованию основных особенностей морфосинтаксиса нивхского языка, а с другой – типологической интерпретации рассматриваемых явлений, в особенности в свете проблем инкорпорации и полисинтетизма. Выводы автора строятся не только на основе существующих описаний нивхского языка, но и с учетом материалов собственной полевой работы, а в типологической части представлена достаточно широкая выборка структурно и генетически разнородных языков.

Глава 1 (“Введение”) содержит краткие сведения социолингвистического характера, а также необходимый минимум данных по словоизменительной и словообразовательной морфологии и синтаксису нивхского языка. Более подробно описывается структура словоформы, поскольку этот аспект очень важен для одного из главных вопросов исследования – определения морфологического статуса (wordhood) комплексов, включающих более одного корня.

Глава 2 (“Фонология и морфонология нивхского языка”) посвящена подробному рассмотрению фонологической системы нивхского языка и особенно его морфонологии. Описываются соответствия между грамматическим классом лексемы и признаками начальной фонемы основы, а также действующие в нивхском языке морфонологические процессы: оглушение фрикативных, потеря конечного носового в амурском диалекте и чередования начальных согласных (последние особенно подробно). В нивхском языке чередования начальных согласных могут определяться, с одной стороны, характером непосредственно предшествующего звука, а с другой – синтаксическим контекстом, т.е. характером отношений, в которых находятся словоформа-мишень (target) и предшествующая ей словоформа-триггер (trigger; терминология заимствована из [Ball, Müller 1992]). Все эти условия подробно описаны в данной главе.

Одной из центральных в книге является глава 3 (“Вершинно-зависимый синтетизм и статус слова в нивхском”), посвященная ответу на вопрос о морфологическом статусе тех языковых единиц, в составе которых происходят описанные ранее морфонологические явления. Автор книги предлагает считать, что эти единицы – обобщенно называемые им “комплексам” – и являются в нивхском языке

ке словами, а принятая в письменной форме языка (а также во многих существующих описаниях) практика разделять их компоненты пробелами не соответствует языковой действительности. Начинается глава с изложения аргументов, использованных в дискуссии между В.З. Панфиловым и Е.А. Крейновичем в 1950–1960-е гг. Затем рассматривается статус указанных комплексов как фонологических слов. Это делается во избежание порочного круга в дальнейших рассуждениях о принадлежности нивхского языка к полисинтетическому морфологическому типу: статус языка как полисинтетического предполагает существование сложных элементов (“слов”), реальность которых требует отдельного, неморфологического доказательства (с. 70). Рассмотрев фонотактические, морфонологические и просодические (постановка ударения) характеристики “комплексов”, автор приходит к выводу, что они обладают достаточной связностью, чтобы претендовать на статус особых фонологических единиц. Для этого привлекаются и типологические данные – рассматриваются феномены, называемые обычно “сандхи” или “[начальные] консонантные чередования / мутации” во французском, английском, валлийском и некоторых других языках. По мнению автора, нивхские чередования нельзя отнести ни к тому, ни к другому типу (при обсуждении этой проблемы справедливо отмечается определенная расплывчатость в использовании термина “сандхи” в существующих исследованиях).

Следующий раздел этой важной главы посвящен статусу “комплексов” как морфологических слов. Автор показывает, что образованные *ad hoc* (т.е. в речи) комплексы и лексикализованные (т.е. принадлежащие словарю) сложные слова не обнаруживают никаких существенных формальных различий. В частности, указывается на то, что возможность раздельного морфологического оформления элементов комплексов (например, показателями числа) не является бесспорным аргументом против того, чтобы считать эти комплексы едиными словами. В дополнение к типологическим параллелям автор указывает, что набор категорий, которые могут появляться внутри комплекса, ограничен, т.е. существуют категории (падеж, наклонение, фокус и нефинитность), которые однозначно указывают на (правую) границу комплекса. Синтаксически комплексы также ведут себя как цельные единицы. Рассмотрев отдельно вопрос о психологической реальности таких “слов”,

автор приходит к выводу, что данные нивхского языка никак не противоречат гипотезе о том, что комплексы являются словами – и тем самым фактически возвращается к давней гипотезе Г.М. Корсакова [1939]. Таким образом, нивхский следует признать языком, для которого характерна (рекурсивная) инкорпорация зависимого в вершину (или вершинно-зависимый синтетизм, если пользоваться авторским термином, о котором подробнее см. ниже, при обсуждении главы 5). Левая граница получившегося “слова” определяется запретом на чередования согласных¹, а правая – позициями, занимаемыми суффиксами падежа, склонения, фокуса и деепричастий. Словесный статус этих комплексов не делает их, впрочем, отдельными лексемами, т.е. единицами словаря (хотя некоторые из них и могут стать таковыми): по замечанию автора, нивхские комплексы-слова функционально во многом близки синтаксическим группам (phrases) в более “аналитических” языках.

В главе 4 (“Нивхские глагольно-именные комплексы”) более подробно рассматриваются нивхские комплексы, состоящие из глагола и зависимых имен. Глагол при этом, естественно, является синтаксической вершиной и занимает самую правую позицию в комплексе (не считая словоизменительных аффиксов), поскольку главным принципом построения комплексов в нивхском языке является образование синтетической единицы в направлении от зависимого к вершине. В главе обсуждается разработанная автором классификация нивхских глагольных лексем и описывается морфонологическое поведение глаголов различных классов. Затем автор переходит к рассмотрению синтаксических валентностных свойств глагольных классов, в особенности обращая внимание на битранзитивные глаголы. Дело в том, что, за исключением одного класса, нивхские, непереходные глаголы не способны к инкорпорации аргумента, тогда как переходные свободно формируют такой комплекс со своими прямыми дополнениями. В битранзитивных же глаголах инкорпорации подвергаются не те аргументы, которые обычно выражаются прямыми дополнениями (например, пациенс), а аргументы с бенефактивной, целевой и рядом других ролей. Автор вводит “принцип [инкорпорации] первичного

объекта” (терминология заимствована из работы [Dryer 1986]), что позволяет объяснить кажущиеся нерегулярности в инкорпорации при наличии в падежной рамке “прямого объекта”. Рассматриваются также комплексы, где инкорпорированный именной элемент присоединяет показатели некоторых грамматических категорий (числовые и скалярные операторы, а также реляционные морфемы) – кроме тех, конечно, которые определяют правую границу нивхского слова (падеж и фокус). Отдельно рассматриваются случаи отсутствия инкорпорации аргумента в глагол: сочинительные, фокусные и другие конструкции. Показано, что эти данные не противоречат ранее выдвинутым гипотезам, так как расщепление глагольно-именного комплекса происходит лишь в строго определенных грамматических и/или прагматических контекстах.

В главе 5 (“Существует ли в нивхском языке именная инкорпорация?”) нивхские глагольно-именные комплексы, которым посвящена предыдущая глава, рассматриваются с типологической точки зрения. Автор начинает с краткого анализа существующих подходов к инкорпорации (и смежным явлениям) и выделяет следующие свойства инкорпорации:

- Инкорпорируемый участник может быть пациенсом, инструментом, локативным аргументом, копредикатом либо субъектом с неагентивной ролью.
- Инкорпорированное имя не является синтаксическим аргументом глагола.
- В грамматическом отношении инкорпорация понижает переходность глагола, повышает статус периферийного аргумента либо используется как показатель лексического класса актанта.
- Инкорпорированное имя по типу референции является генерическим либо неопределенным и не является “референциально активным” (т.е. не может подвергаться анафорической замене).
- В дискурсивном отношении инкорпорация используется для обозначения фоновых событий или нефокусных участников ситуации.

Сравнив этот список со свойствами, проявляемыми нивхскими глагольно-именными комплексами, автор констатирует, что, несмотря на существование определенных параллелей, говорить о классической инкорпорации в нивхском языке нельзя. Нивхские глагольно-именные комплексы не только не обладают многими из указанных свойств (например, не используются для повышения синтаксического статуса периферийных ар-

¹ Обратное неверно: такой запрет встречается и внутри комплекса – впрочем, в книге достаточно убедительно показано, что это не противоречит признанию комплексов словами.

гументов), но и демонстрируют поведение, прямо противоречащее существующим теоретическим представлениям об инкорпорации (например, имена в составе комплексов могут принимать показатель числа). Автор полагает, что вместо инкорпорации следует говорить о частном проявлении принципа вершинно-зависимого синтетизма (dependent-head synthesis), который является организующим в системе нивхского языка. Следующие две главы посвящены другим конструкциям, которые образуются в соответствии с данным принципом.

Глава 6 (“Нивхские глагольные комплексы”) посвящена рассмотрению не очень подробно описанных в литературе по нивхскому языку комплексов из двух и более глагольных корней. Автор отмечает, что при соположении глагольных корней в нивхском языке используется не только “сериализация”², но и деепричастные конструкции, сосредотачиваясь, впрочем, только на первом классе случаев. Рассмотрев и отвергнув концепцию В.З. Панфилова [1965: 134–135], согласно которой то, что Й. Маттиссен считает глагольным корнем в составе синтетического комплекса, описывается как “неоформленное причастие”, автор переходит к свободно образуемым в речи глагольным комплексам. С помощью синтетических комплексов из двух глагольных корней в нивхском языке может выражаться значение постоянного свойства, тогда как при описании конкретных, или актуальных, ситуаций используются аналитические наречные конструкции (так, во фразе *Эта собака бежит быстро* используется глагольный комплекс, в то время как для перевода фразы *Теперь-то мы живем хорошо* используется описательная конструкция с деепричастием). В целом глагольные комплексы встречаются в нивхском реже, чем глагольно-именные, и проявляют более сильную тенденцию к идиоматизации – в частности, грамматикализация именно таких конструкций, как полагает автор, и привела к появлению аффиксов, выражающих различные модальные значения.

Глава 7 (“Является ли нивхский язык полисинтетическим?”) также является типологической. Автор отмечает, что широкое распространение глагольно-именных синтетических комплексов и включение наречных и

модальных основ в глагольную словоформу характерно для языков, называемых обычно полисинтетическими. Автор вновь начинает с краткого обзора существующих теоретических концепций полисинтетизма и выделяет ряд общих свойств, приписываемых полисинтетическим языкам: сложные глагольные словоформы с большим количеством аффиксов, полиперсональность, включение наречных элементов в глагольную словоформу, большое количество связанных морфем, а также, возможно, и именная инкорпорация. Затем рассматривается то, насколько нивхский язык отвечает этим критериям. В целом, по мнению автора, он вполне удовлетворяет обсуждаемым в литературе признакам, хотя в нем и отсутствует, к примеру, такая черта, как полиперсональность. С другой стороны, для нивхского языка характерны синтетические комплексы из глагольной словоформы и наречия, а также именных элементов (отмеченный выше вершинно-зависимый синтетизм). Однако в конце концов автор приходит к выводу, что нивхский не обязательно считать именно полисинтетическим языком. Отмечая преимущественную ориентацию исследователей при определении понятия полисинтетизма на языковые характеристики глагольной словоформы, Й. Маттиссен указывает, что сходные свойства проявляются и в нивхских комплексах с именной синтаксической вершиной. Это, по ее мнению, является доказательством того, что “полисинтетические” черты нивхского морфосинтаксиса являются частным проявлением некоторого более общего принципа.

Глава 8 (“Нивхский именной комплекс”) посвящена более подробному рассмотрению комплексов с именной вершиной. Начинается глава с краткого рассмотрения различия между нивхскими аппозитивными конструкциями (типа *пй эсх* ‘я, старик’) и именными комплексами (типа *пй-эсх* ‘мой старик’), и еще раз обосновывается словесный статус последних. Затем автор последовательно рассматривает включение в именную словоформу указательных местоимений, притяжательных местоимений и существительных, выражающих посессора, и др. Как и в глагольно-именных комплексах, включенные имена могут принимать показатели числа и скалярные операторы, но не показатели падежа и фокуса.

Впрочем, гораздо чаще, чем имена, в подобные комплексы в качестве зависимых элементов входят глаголы: это единственная возможная в нивхском языке атрибутивная конструкция. Хотя в большинстве случаев глагольные морфемы в составе комплекса принимают еще и показатель *-la-*, который

² Под этим термином понимается (как кажется, не вполне традиционно) конкатенация двух морфем в одной словоформе, а не сочетание двух самостоятельных словоформ.

можно было бы считать показателем атрибутивности, автор доказывает, что в действительности единственным показателем атрибутивной связи является именно морфологическое включение глагола в состав имени. Формирование подобных именных комплексов полностью продуктивно, как и в случае с комплексами, имеющими глагольную вершину. В последних, как уже было сказано, показатели падежа и фокуса у включенных имен выполняют особую функцию, указывая на правую границу словоформы и, как следствие, такие показатели не могут появляться внутри комплекса. В именных комплексах аналогичную функцию для включенных глаголов выполняют показатели наклонения, деепричастия и опять же фокуса. Все прочие показатели внутри комплекса допустимы.

В данной главе также рассматриваются примеры того, как именные комплексы используются для выражения различных отношений между глаголом и включенным аргументом, как комплексы различных типов рекурсивно “вкладываются” друг в друга и каким может быть набор синтаксических ролей у именных комплексов. Заканчивается глава сведениями об ограничениях на образование именного комплекса. Эти ограничения достаточно стандартны: зависимое не может включаться в комплекс, если оно не предшествует вершине непосредственно; не могут включаться в комплекс и последние составляющие сочиненных групп (то же верно и для глагольных комплексов).

Глава 9 (“Сложные именные формы в языках мира”) также имеет отчетливо типологический характер, что обусловлено логикой изложения. Если рассмотрение нивхских словоформ, построенных на базе глагольного корня, завершилось обзором явлений, связанных со сложными глагольными словоформами в целом (инкорпорация, полисинтетизм), то аналогичное исследование необходимо и для именных комплексов. Автор выделяет следующие возможные типы сложных (точнее, морфологически неэлементарных) именных словоформ:

- Именные словоформы, где сложность создается за счет большого числа некорневых (т.е. аффиксальных) морфем, часто с весьма конкретным значением (как, например, в гренландском); в книге дается подробный содержательный обзор таких языков и семантических полей, значения из которых могут выражаться подобным образом.
- Именные словоформы, состоящие из нескольких соединенных в одно морфоло-

гическое целое корней (это явление характерно, например, для чукотского, кетского, санскрита, немецкого); дается подробный обзор свойств языков с корнесложением.

Автор, в частности, отмечает, что наличие словоизменятельных грамматических показателей внутри сложных именных словоформ не является уникальным для нивхского языка явлением (ср. нем. композиты типа *Kindersitz* ‘детское сиденье [в транспорте], с суффиксом множ. числа при основе *Kind* ‘ребенок’). Таким образом, все отмеченные особенности нивхского морфосинтаксиса находят типологические параллели в языках мира, что и приводит автора к необходимости построения типологии сложной словоформы: если для глагольной словоформы существует достаточно разработанный теоретический аппарат, то в области именных словоформ сделано гораздо меньше, не говоря уже об общей типологии таких явлений. Решению этой задачи посвящена последняя глава.

Глава 10 (“Типологический обзор”), таким образом, развивает идеи предыдущей главы. Вначале автор формулирует принцип вершинно-зависимого синтетизма в нивхском языке: образование синтетического комплекса происходит тогда и только тогда, когда два элемента следуют непосредственно друг за другом, причем левый является зависимым по отношению к правому. При этом на стыке двух элементов происходят особые морфонологические чередования. Синтетический комплекс не образуется, если два смежных элемента не находятся в соответствующем синтаксическом отношении или если зависимое и вершина не примыкают друг к другу в указанном выше порядке. Таким образом, нивхский язык является вершинно-маркирующим в смысле [Nichols 1986] (более того, как показывает автор, нивхское вершинное маркирование полностью соответствует предложенной Дж. Николс иерархии конструкций по склонности к вершинному маркированию).

Далее автор приступает к формированию типологии “полисинтетизма”. Предлагаемая Й. Маттиссен классификация строится по двум основаниям. С одной стороны, противопоставляется “аффиксальный” и “композиционный” полисинтетизм (а также два смешанных типа). Для аффиксального полисинтетизма характерна высокая сложность словоформы за счет большого количества аффиксальных морфем в ее составе, однако список морфем является при этом закрытым. Для композиционного полисинтетизма характерна возможность включения в словоформу большого количества

лексических элементов, и тем самым, список включаемых элементов оказывается открытым (этот параметр формализуется как допустимость более одного корня в составе глагольной словоформы). Другими проявлениями композиционного полисинтетизма считаются инкорпорация имени и конкатенация глагольных корней внутри словоформы. Для смешанных типов характерно отсутствие какого-либо из двух последних свойств.

Второе основание классификации образует противопоставление двух типов формальной организации словоформы: "порядковой" (templatic), при которой для каждого класса морфем определена позиция в словоформе, и "основанной на сфере действия" (score-ordered), когда порядок морфем определяется факторами семантики, сферы действия той или иной морфемы и их взаимной совместимости.

Завершается книга сопоставлением традиционных понятий полисинтетизма и инкорпорации с введенным в настоящей работе понятием вершинно-зависимого синтетизма. Показано, что в отличие от инкорпорации, зависимое имя в составе синтетического комплекса референциально активно и является синтаксическим аргументом глагола, отличие же вершинно-зависимого синтетизма от полисинтетизма заключается в том, что вершинно-зависимый синтетизм является универсальным структурным принципом с единообразными проявлениями, в то время как признаки полисинтетизма в разных языках оказываются весьма разнородными. Вопрос же о соотношении вершинно-зависимого синтетизма и полисинтетизма как родового и видового понятий требует, по мнению автора, дальнейшего исследования.

Книга содержит также приложение, где приведены акустические данные, на которые ссылается автор, и обширную библиографию по нивхскому языку и фольклору.

Оценивая книгу в целом, следует признать, что автором получены весьма важные результаты. Помимо полного и оригинального описания собственно нивхского морфосинтаксиса, большой интерес представляют и теоретико-типологические достижения автора. Формулировка принципа вершинно-зависимого синтетизма представляется важным шагом на пути построения универсальной типологии словосложения. Очень ценно рассмотрение существующих теоретических представлений о таких явлениях, как инкорпорация и полисинтетизм, поскольку, как убедительно показано в книге, они не отличаются единообразием, а зачастую и операциональностью, т.е. вряд ли могут быть использованы для эф-

фективного определения принадлежности произвольного языка к числу полисинтетических.

Однако к работе Й. Маттиссен все же можно сделать и ряд замечаний. Несмотря на пронищательную критику существующих теоретических представлений, сам автор не присоединяется к какой бы то ни было эксплицитно сформулированной теории. Работа, без сомнения, выполнена в функционалистской парадигме, однако большего о ее теоретических предпосылках сказать, видимо, нельзя. Это, конечно, является в некотором роде преимуществом, поскольку избавляет читателя (в особенности типолога) от необходимости разбираться в тонкостях "внутритеоретических" вопросов. Однако известная расплывчатость теоретической базы мешает признать ценность некоторых выводов автора. В частности, не до конца понятно теоретическое содержание и самого понятия "слово", которое является ключевым для всей книги. В соответствующей главе приводятся представления, из которых исходит автор, о фонологическом, фонетическом и морфологическом слове, однако понятие "слово вообще" нигде не эксплицируется. Если особый статус нивхских комплексов автором показан более чем убедительно, то настойчивое желание назвать их "словами" выглядит несколько менее мотивированно. Остается неочевидной теоретическая ценность присвоения нивхским комплексам именно этого ярлыка – для сравнения нивхского с другими полисинтетическими (и не только) языками такое терминологическое решение, как кажется, дает немного.

Хотя книга и не является специально фонологическим исследованием, хотелось бы обратить внимание на ряд неточностей в описании системы нивхских чередований. Так, на с. 45 делается утверждение, будто друг с другом чередуются только гоморганные звуки. Однако на предыдущей странице приведена таблица, из которой следует, что палатальные взрывные чередуются с [s] и [z]. Нигде, однако, не сказано, что два последних звука имеют палатальную артикуляцию (кажется, не следует этого и из акустических данных, содержащихся в приложении).

На с. 102 автор утверждает, будто разница между чередованиями в валлийском и матумби (банту), с одной стороны, и в нивхском – с другой, заключается в том, что в первых двух языках чередования вызываются только синтаксическим контекстом, а в нивхском, помимо синтаксического, должно присутствовать и соответствующее фонологическое окружение. Представляется, что это утверждение трудно совместить, например, с тем фактом,

что у определенного класса глаголов префикс 3 л. ед. ч. претерпевающего никак не выражен поверхностно, но “имплицитно присутствует” (с. 125) и вызывает соответствующее чередование в глаголе. Такое положение дел, видимо, указывает на начинающуюся грамматикализацию чередований в нивхском по модели валлийского, когда фонологическая обусловленность начинает исчезать, уступая роль триггера синтаксическому контексту.

К сожалению, в книге немало опечаток, в том числе и в примерах (например, итал. **sta arrivato* вместо *sta arrivando* на с. 93). Остается надеяться, что в нивхских примерах их удалось избежать.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о предлагаемой автором типологии полисинтетизма. Можно заметить, что Й. Маттиссен исходит прежде всего из набора морфем, которые возможны в словоформе, и принципов их линейного расположения, однако игнорирует условия, при которых инкорпорация невозможна, возможна или обязательна. Например, на с. 255 автор упоминает об ограничении на инкорпорацию абсолютных ИГ в чукотском языке, однако делает это лишь вскользь. Нам, однако, представляется, что решение игнорировать подобные факторы при составлении типологии способов морфологической организации словоформы как минимум нуждается в обосновании: неочевидно, что внутренняя структура сложной словоформы никак не зависит ни от отношений, выражаемых с помощью словосложения, ни от обязательности их выражения. Так, в нивхском образовании синтетического комплекса возможно для любой пары зависимого и вершины при условии линейной препозиции зависимого, а, к примеру, в некоторых северных шведских диалектах (Эстерботтен) прилагаемые образуют синтетический комплекс только с вершиной, при которой есть показате-

тель определенности (причем такое словосложение в этом случае обязательно, см. [Sandström; Holmberg 2003]). Представляется желательным, чтобы подобные ограничения на образование сложных словоформ также нашли отражение в предлагаемой типологии.

В целом, однако, следует признать, что работа Йоханны Маттиссен представляет большую ценность как в плане описания системы нивхского языка, так и в теоретическом и типологическом аспекте. Автору удалось сделать ряд важных обобщений относительно некоторых не вполне удовлетворительно определенных лингвистических понятий, а намеченный путь решения поставленных проблем может быть весьма перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Корсаков 1939 – Г.М. Корсаков. Инкорпорирование в палеоазиатских и северо-американских индейских языках // Советский север. 1939. № 4.
- Панфилов 1965 – В.З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.; Л., 1965.
- Ball, Müller 1992 – M.J. Ball, N. Müller. Mutation in Welsh. London, 1992.
- Dryer 1986 – M.S. Dryer. Primary objects, secondary objects, and antitativity. Language 62: 4. 1986.
- Nichols 1986 – J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar. Language 62: 1. 1986.
- Sandström, Holmberg 2003 – G. Sandström, A. Holmberg. Ett polysyntetiskt drag i nordsvenska // Ø.A. Vangsnes, A. Holmberg, L.-O. Delsing (red.). Dialektsyntaktiska studier av den nordiska nominalfrasen. Oslo, 2003.